

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин

Ключевые слова: идентичность коллективная, социальная, национальная (национально-государственная), цивилизационная, политическая, гражданская, типы и модели идентичности, сценарии развития, модернизация, “поколение 2030”.

Возможности формирования и эффективного использования ресурсов развития мирового и национального сообществ определяет человек. Но в контексте осмысления перспектив того “общества знаний”, о наступлении которого широко вещательно объявляют сегодня политики и эксперты, человеку не всегда находится место: в фокусе внимания оказываются институты, практики и макро-субъекты политического процесса (государственного, межгосударственного, регионального и субрегионального уровней). Однако само появление новых динамичных игроков мировой экономики и политики и стремительное отставание других, недавно находившихся на передовых рубежах, заставляет задуматься о причинах неуспеха и, главное, об источниках эффективного развития тех или иных национальных сообществ в глобальном мире. Тот же вопрос правомерно поставить и применительно к деятельности современных форм социальной организации, будь то, например, корпоративный бизнес, политическая партия или некоммерческая структура, выступающая от имени группы интересов.

40

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Вектор развития всех без исключения сообществ — субъектов общественных отношений, в решающей степени определяет *коллективная идентичность* их членов — комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения. Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями, формирует *социальную идентичность*. Важнейшими референтными группами социальной самоидентификации оказываются “большие сообщества” — социальная группа, конфессия, этнос, государство (страна), цивилизация. Широкий выбор потенциально значимых для современного человека систем ориентиров, связанный с развитием информационного общества, предопределяет дробность социальной идентичности, актуализируя то одну, то другую ее составляющие.

Процесс *социальной самоидентификации* играет основную роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обес-

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, зав.сектором ЦЭСПИ ИМЭМО РАН; ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН; ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав.отделом ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с авторами: isemenenko@mail.ru

печивающих его жизнедеятельность институтов. Это определяет значение социальной идентичности как одного из важных факторов современного развития и как предмета научного осмысления ресурсов социальных изменений [см. Giddens 1991; Гидденс 1999; Castells 1997; Кастельс 2000]. В случае, когда такая идентичность начинает деградировать, наблюдается кризис любого социального образования, будь то семья, профессиональное сообщество, политическая партия или государство. Ослабление социальных связей в современном обществе, связанное с дегуманизацией публичной сферы и отчуждением от нее человека, становится оборотной стороной освоения технологических достижений. В результате размывается *гражданская* составляющая идентичности, определяющая мотивацию развития национального сообщества в условиях демократии, основа политического самоопределения индивида, его *политической идентичности*. Последняя утверждается в процессе соотношения человека с политическими институтами. Те или иные идейно-политические предпочтения, обуславливающие партийные симпатии и антипатии, электоральный выбор и другие формы политического поведения, связывают индивидуальную и групповую политическую идентичности, идентификационные паттерны индивида и больших сообществ — субъектов политического процесса. Эта связь позволяет сохранить преемственность институциональных основ политической системы и поддерживается государством с помощью целенаправленной “политики идентичности” — важной составляющей “символической политики” [см. Малинова 2010].

Существенные изменения в социальной идентичности и ее составляющих, с одной стороны, являются следствием экономических, политических и культурных перемен, а с другой — сами приводят к значимым общественным трансформациям. Так, постепенное утверждение в массовом сознании граждан восточноевропейских стран европейских либеральных ценностей, которое происходило на протяжении 1960-х — 1980-х годов, во многом подготовило “мягкое” крушение режимов советского образца в этих странах и утверждение демократических основ национальной государственности. Вместе с тем современные процессы глобализации ведут к размыванию *национально-государственной идентичности*, что, в свою очередь, влияет на развитие отдельных стран и целых регионов мира [см. напр. Бьюкенен 2003; Хантингтон 2004]. Устойчивую основу национально-государственного уровня идентификации подменяют повсеместно узнаваемые символы, которые рождает общее, глобальное пространство информации и коммуникаций. Обострение национальных чувств и подъем на этой волне националистических движений в развитых странах Запада оказывается одним из ответов на вызовы культурного глобализма, претендующего на унификацию и обезличивание идентичности. Изменение культурной физиономии развитых обществ связывается в массовом сознании и с потоками инокультурной иммиграции, которые рассматриваются как угроза не только нынешнему и будущему экономическому и социальному благополучию, но и собственному уникальному культурному потенциалу развития. Эти вызовы актуализируются в росте политической поддержки правых партий и радикально-националистических идейных группировок.

В повседневной жизни потребность национального самостояния утверждается с помощью “осязаемых” этнокультурных ориентиров. Так, сегодня мно-

гие европейцы стремятся подчеркнуть “особость” своих культурных практик: неслучайно в тех странах и регионах, где сохранилась преемственность этнокультурных традиций (как, например, в Австрии, некоторых землях Германии, Шотландии, Стране Басков, Каталонии), заметно выросла популярность традиционного народного костюма и праздничных народных обычаев. Свое право на утверждение соответствующих внешних символов идентичности активно (а порой и агрессивно, вопреки принятым в публичной сфере правилам поведения) отстаивают представители инокультурных и автохтонных меньшинств, проявляя солидарность со “своими” в “чужом” внешнем окружении. Такой солидаризм исключает “чужих”, но укрепляет ресурсы “своего” сообщества (“связывающий” социальный капитал, если следовать логике Р. Патнэма), обращаясь к его устойчивым идентификационным характеристикам.

Традиции как воплощенные в социальном поведении архетипические черты национального самосознания (речь идет о самых первичных, наследуемых из поколения в поколения образах и понятиях, структурирующих национальную картину мира) становятся важным источником утверждения культурных основ коллективной идентичности в мультикультурном мире. А апелляция к традиционализму — инструментом политической мобилизации массовых групп его граждан вне традиционного партийного спектра. Но в современных демократиях традиция остается и важным источником социального активизма — культурных, просветительских, предпринимательских и подобных тому инициатив. Такие инициативы понижают барьеры закрытых сообществ, открывают возможности приобщения к их социальному капиталу, формируют, если обратиться к терминологии М. Кастельса, “проектную идентичность”, ориентированную на развитие.

Массовая миграция порождает сегодня парадоксальное сосуществование в рамках единой политической системы разнородных цивилизационных сообществ, характеризующихся принципиально различной культурой повседневности и полярными типами присущих им моделей самоидентификации. Прежде взаимоисключающие приверженности человека как гражданина политико-государственного сообщества и члена этнокультурной или этноконфессиональной группы страны его происхождения (пакистанец — британец, индеец-сикх — ирландец, даже турок — немец, учитывая произошедшие изменения в политике предоставления гражданства в Германии) сплавляются в понятие “мультикультурного гражданства”. С его помощью можно различать политические и неполитические предпочтения граждан, их общегражданскую и культурную идентичность, эффективно защищать права меньшинств, отстаивающих свое культурное своеобразие [Kumlicka 1995]. Широкое распространение практики “двойного” или даже “тройного” гражданства легитимизирует такую множественную идентичность. Эта тенденция в ближайшие десятилетия будет лишь возрастать, стимулируя появление новых моделей политического устройства. В результате в принимающих мигрантов странах будет расти потребность в интеграции сообществ “поверх” их национально-цивилизационной идентичности в ее институциональном оформлении (подобно тому как, в свое время, политическая рамка *нации* стала пресловутым “плавильным котлом” этноконфессиональных идентичностей). Тем самым, будет расти потребность в конструировании *надцивилизационных* интеграционных моделей.

Картина размывания национальной идентичности, со всей очевидностью наблюдаемая с “классических” для Нового времени позиций нации-государства, под иным углом зрения все отчетливее представляется как процесс формирования новых идентификационных ориентиров. Уже сегодня наблюдается повсеместная активизация устремлений многочисленных периферийных регионов реализовать притязания на культурную и цивилизационную самобытность. Понятие *национального* расщепляется: в зависимости от контекста оно может прочитываться как атрибут нации-государства, а может наполняться сугубо этническими и даже примордиальными характеристиками. Вместе с тем и для значительного числа регионов незавершенной модернизации все более притягательными становятся, наряду с традиционными “национальными”, *универалистские модели самоидентификации*.

Сама дискуссия о современном понимании национальной идентичности становится в условиях информационного общества действенным механизмом ее переосмысления и нового утверждения. Развитые страны вновь оказались перед необходимостью актуализации своей идентичности. Неслучайно инициатива организации осенью 2009 г. “больших дебатов” о национальной идентичности во Франции, стране с богатыми традициями государственного регулирования социальной и культурной сфер, исходила непосредственно от государства. По мере адаптации общества к новым социальным вызовам “национальный вопрос” (как вопрос о коллективной мотивации национального сообщества) будет, если воспользоваться формулой французского социолога А. Турена, вновь и вновь возвращаться “в форме дебатов об идентичности” [цит. по: Альтерматт 2000: 15].

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ: СЦЕНАРИИ И ТRENДЫ

Однако адекватность действий государства в вопросах регулирования противоречий между группами интересов обеспечивается лишь постольку, поскольку оно само является институциональным элементом общества. Если же государство присваивает себе роль ключевого субъекта формирования институциональной среды общества, его регуляторные функции замыкаются на обслуживании интересов окологосударственных групп (в первую очередь – бюрократии и олигархических структур бизнеса). Поэтому, когда речь идет об обеспечении доступа к ресурсам развития человека и к управлению общественными благами в контексте *инновационного сценария развития* (ориентированного на повышение качества демократических институтов в целях обеспечения адекватного качеству жизни уровня управляемости), ключевым игроком на этом поле оказываются *самоорганизующиеся сообщества*. В прогнозируемой перспективе сферы их активности будут расти, расширяя тем самым пространство публичной политики. Но в качестве локальных дисфункций развития вероятен и другой сценарий – *постепенное усиление авторитарных методов в политике*, направленных на решение той же задачи – эффективного управления усложняющимся общественным организмом в условиях повышения порога рисков развития. “Разменной монетой” могут стать некоторые ограничения демократических свобод (например, свободы СМИ или публикаций в Интернете), а “ценой вопроса” – качество жизни, стабильность и порядок.

Этот сценарий “императивной демократии” предполагает целенаправленные усилия государства по конструированию такой национальной идентичности, где гражданская составляющая последовательно вытесняется государственной. Его элементы просматриваются сегодня в большинстве развитых стран (в первую очередь, в рамках борьбы с национальными угрозами, такими, как терроризм), но особенно — в стремительно модернизирующихся «переходных» обществах. Классическим примером является современный Сингапур: его успех сегодня во многом основан на ресурсах уникальной идентичности молодой и динамичной политической нации, сконструированной за три-четыре десятилетия авторитарной модернизации на основе интеграции трех народов, четырех языков, множества религиозных и культурных традиций.

Процессы глобализации и глобальной экспансии “информационного общества” радикально трансформируют повестку модернизационных преобразований и сами механизмы поддержания идентичности, придают им невиданный ранее динамизм. Кризис идентичности становится нормой, диверсифицированной в зависимости от того, сколь значима для данного сообщества гражданская идентичность, лежащая, как уже отмечалось выше, в основе политического самоопределения индивида. Размывание традиционных паттернов идентичности выявляет разные ориентиры идентификационных процессов. На одном полюсе объектом идентификации оказывается космополитическое *всемирное гражданство*. В его основе лежат нормы, правила и принципы глобального рынка, глобальных финансовых потоков, а также общие модели поведения групп вовлеченных в такую деятельность людей [см. Многоликая глобализация... 2004]. Заметный вклад в эти процессы вносит активность *глобального гражданского общества* [см. Global Civil Society... 2001]. На другом полюсе в качестве своего рода альтернативы и в логике радикального пересмотра основ прежней национальной идентичности, ориентированной на образ национального государства, возрастает значение *этнических, религиозно-конфессиональных, цивилизационных и иных, прежде “вторичных” идентификационных ориентиров*. Попытки современных государств бороться за сохранение и воспроизводство общего для всей гражданской нации культурного пространства наталкиваются на сопротивление двух разнонаправленных векторов социокультурного развития: культурного и информационного глобализма, унифицирующего идентификационные образцы, — с одной стороны, и разложения гражданской (национальной) солидарности под напором особых притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ, — с другой.

Известно, что радикальное преобразование традиционных структур и принципов самоидентификации в конечном счете ведет к изменению идентичности всего общества и является одной из важнейших функций модернизационных перемен. Действительно, следует согласиться с тем, что *“процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм, который требует определенного изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности”* [Федотова 2001: 91]. Спорным представляется, однако, заключительный вывод. В логике, предполагающей *многосоставность* идентичности, скорее правомерно говорить о резком расширении многообразия ее составляющих в ходе модернизации и о возможности их *неконфликтного (или огра-*

ниченно конфликтного) *соприсутствия* в социальной идентичности современного индивида. Только так возможно совмещение императивов модернизации и глобализации с сохранением основ культурной идентичности конкретного сообщества. И только в условиях такого соприсутствия возможны воспроизводство и преемственность культурной традиции, только на этом пути меняющаяся идентичность может стать ресурсом развития общества.

Именно формирование запроса на собственный уникальный проект развития, открывающий для национальных сообществ доступ к ресурсам глобальной экономики, культуры, политики, и есть путь наиболее эффективного использования преимуществ их обновленной, но сохранившей свою уникальность идентичности. Альтернативой является дальнейшее дробление идентичностей в составе национального сообщества и повышение уровня конфликтности между группами их носителей, в том числе диктуемой морально-этическим соображениями. Уже сегодня такая конфликтность (яркий пример — скандал вокруг публикации карикатур в Дании, высветивший полярные позиции сторонников “политкорректности” и защитников неограниченной свободы СМИ, или результаты референдума о строительстве минаретов в Швейцарии) требует чрезвычайно затратных, но по существу — паллиативных мер государственного вмешательства и создания институтов согласования интересов.

Сегодня институциональная демократия стала в известном смысле *почти всеобщей нормой* государственного обустройства. Иначе говоря, большинство государств мира по формальным критериям подпадает под определение *современных, либо модернизирующихся*. Тем не менее, в социальной эволюции Нового времени отчетливо выделяются две принципиально различные траектории развития. Первая характеризует высокоразвитые (по критериям институциональной среды и качества жизни) общества, представленные и по сей день в основном странами Западной Европы и странами, возникшими на территориях западноевропейских переселенческих колоний. Вторая — *незападные общества*, пытающиеся воспроизводить и осваивать европейские институциональные, культурные и идентификационные образцы, адаптировать их к условиям традиционной социальной практики, осуществляя собственную *модернизацию*. Попытки перехода со второй траектории на первую не только представляют колоссальную практическую проблему, сама теоретическая возможность и условия ее реализации на сегодняшний день фактически не проработаны. Собственно, если попытаться дать емкую характеристику этому второму типу социального развития, то его суть состоит во внедрении рожденных в условиях западной демократии институтов в чужеродную для них социокультурную среду. Успех такой “прививки” до последнего времени был обусловлен радикальной сменой ориентиров *цивилизационной* идентичности, но в результате национальное сообщество зачастую лишалось собственных, уникальных ресурсов развития. Однако именно эффективная *трансформация цивилизационных особенностей в ресурсы национального развития* позволила таким странам, как Япония, Южная Корея, Сингапур и Малайзия, продемонстрировать высокий потенциал адаптации заимствованных инновационных практик и институтов и совершить настоящий модернизационный рывок.

Та модель развития, которая была выработана в последние десятилетия в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (так наз. восточных тиграх), отли-

чается чрезвычайно эффективным использованием ресурсов собственной идентичности. Это очень важное обстоятельство указывает на принципиально не-вестернизационный характер процессов развития, набирающих силу в этом регионе и претендующих на то, чтобы предложить миру наиболее эффективную модель современного капитализма XXI века¹. В числе важнейших составляющих этой модели обращает на себя внимание, прежде всего, потенциал национально-цивилизационной идентичности регионов не-западноевропейского мира, совсем недавно считавшихся глухой мировой окраиной, а также его возможности эффективно адаптировать инокультурные практики, не перечеркивая собственной идентичности².

Диалектика идентичности и вектор глобального развития

В рамках широко укоренившихся представлений структуру современного мира можно представить следующим образом. На противоположенных полюсах находятся “развитые” страны, сохранение позиций лидерства сопряжено здесь с утверждением инновационной мотивации развития (Великобритания, например, пытается “встряхнуться”, позиционируя себя как “мировой узел” креативной экономики), и “стагнирующие” национальные сообщества, не сумевшие обрести общей мотивации к развитию. В перспективе в число последних могут попасть и те страны, которые сегодня входят в число благополучных. В пространстве *между* этими “полюсами” располагается группа “переходных” государств, и именно в этой группе осваиваются принципиально новые ресурсы и модели роста. Наиболее динамичный отряд “государств-лидеров” этой группы составляют сегодня страны, совершающие модернизационный рывок на основе использования ресурсов собственной идентичности, выстраивая на этом фундаменте структуры национальной солидарности и мотивации к развитию. Кроме того, в составе этой группы присутствуют государства, следующие в русле “догоняющего развития” (в европейском ареале осуществляющие его под эгидой Евросоюза), а также только начинающие модернизацию национальные сообщества.

Несмотря на процессы глобализации, повсеместно распространяющие элементы “универсальной”, интегративной модели идентичности, в ближайшие два десятилетия в национальных моделях идентичности сохранит свое значение “классическая” типология, основанная на различении двух полярных по своим цивилизационным основаниям типов: “западного” и “незападного”. Как базовые “модельные” типы они характеризуются ярко выраженными социокультурными различиями систем ценностных ориентаций и менталитета, картин мира и политической культуры. Устойчивость и перспективы экспансии этих типов связаны, с одной стороны, с сохраняющимся политическим доминированием США и ЕС, а с другой – с бурным экономическим развитием стран Азии,

¹ Это тем более важно, что потенциал и возможности западноевропейской версии капитализма, во всех трех ее изводах, – британском, континентальном и американском, как никогда близки к исчерпанию, по крайней мере, – неадекватны задачам разработки и практического воплощения в глобальных масштабах его обновленной версии, что, в частности, со всей убедительностью демонстрирует текущий кризис. О роли стран Восточной и Юго-Восточной Азии в осуществлении “третьей великой трансформации глобального капитализма” см. [Федотова, Колпаков, Федотова 2008].

² На постсоветском пространстве этот опыт пытается использовать сегодня Казахстан.

увеличением их роли в мировой экономике и политике и демографической динамикой³, а также с перспективами развития латиноамериканского континента.

В основе “западного” типа лежат характеристики, сближающие его с “универсальной” моделью: индивидуализм, рациональность, частная собственность, правовое сознание, идея нации и представление об универсальном характере институтов либеральной демократии и свободного рынка. Соответственно, как бы ни менялись формы и составляющие идентичности, современный европеец или американец соотносит себя не столько с кланом или с корпорацией, сколько с сообществом индивидов, разделяющих ценности частной собственности, индивидуальной свободы, прав человека и т.п. Такое сообщество может иметь черты государства-нации, а может включать в себя целый ряд государств-наций, как, например, Европейский Союз.

Утверждение “универсализма” западных ценностей было связано с динамикой качества жизни разделявших их национальных сообществ в послевоенный период и способствовало динамизму и росту сплоченности нынешнего развитого мира, определило распространение укоренившихся здесь институтов за его пределы. Сегодня понимание национальной и наднациональной идентичности как ресурса развития вновь оказалось в фокусе публичной дискуссии: в условиях кризиса практик мультикультурализма повышаются риски фрагментации западных национально-государственных сообществ, а гражданская идентичность, выстроенная на сугубо формальных правовых основаниях, оказывается поверхностной и недостаточно прочной скрепой для их социальной консолидации.

Вместе с тем “западная” идентичность неоднородна. “Старая” Европа ориентирована на ценности социального государства и определенный уровень внутренней социальной солидарности. Америка целенаправленно культивирует индивидуальный успех (“американскую мечту”) как главный источник развития национального сообщества. Граждане Восточной Европы, претендующие на самоидентификацию с Западом, нередко склонны к конфликтному размежеванию с “иными”, в том числе и внутри собственной страны (примеры бывшей Югославии, стран Балтии, Молдавии, Украины дают богатый опыт для осмысления “идентичности противостояния”).

“Незападный” тип идентичности включает национально-цивилизационные модели, сложившиеся за пределами европейской политико-культурной традиции. Если рассматривать его в самом общем плане, то речь идет о таких характеристиках, как примат групповых начал и коллективизма, доминирование регламентирующих образ жизни клановых и личных неформальных отношений, опора на исторически сложившиеся религиозные традиции, формирующие своеобразную картину мира (исламский мир, Индия) или на культ государства и этической традиции (Китай). Эти характеристики идентичности могут эффективно работать на общую мотивацию национального развития. Общество, например, японское или китайское, нередко рассматривается как единая большая “семья” или единая корпорация (“корпорация Япония”).

В последние десятилетия благодаря гибкому сочетанию традиций и современности восточный ареал распространения незападной идентичности про-

³ По численности населения Азия сохранит свое доминирование, и к 2030 г. здесь будут обитать более половины жителей Земли [см. United Nations... 2009].

демонстрировал исключительные возможности в достижении экономического успеха. Это позволяет говорить о формировании особой идентичности “модернизирующегося Востока”, сочетающей преимущества традиции и современности, цивилизационных и универсалистских начал и характеризующейся ростом индивидуализма и рациональности, освоением западных по своему происхождению рыночных и демократических институтов. Все это ведет к определенному сближению “незападного” типа с “западным”. В результате возникает уникальный гибрид ценностей, основанный, как в Японии, на сочетании традиционализма и модернизма [Чугров 2008]. В то же время следует иметь в виду, что и внутри “восточной” идентичности продолжают сохраняться значительные различия между китайской, индийской, исламской, японской и южнокорейской моделями. Так, исламская и индийская модели основаны на примате религиозных норм и обычаев, тогда как остальные — не имеют выраженного религиозного характера, зато базируются на приверженности традициям. В силу ряда причин, в том числе особой жесткости соблюдения религиозных норм, исламская модель, как показывает реальный опыт экономического и политического развития, отличается большей консервативностью, а японская, южнокорейская и китайская модели характеризуются большей гибкостью, адаптивностью и особым динамизмом. В Латинской Америке возможности взаимного поглощения традиционной и привнесенной извне культуры уходят корнями в историю колонизации континента, и на пересечении западного и незападного типа формируется гибридная идентичность, ситуативно восприимчивая к традиционалистским и модернистским ценностям.

Пока вектор движения носит преимущественно однонаправленный характер: западные институты и ценности интегрируются в незападную ментальность, а привнесенные извне в западное общество практики распространяются преимущественно на уровне индивидуального культурного и потребительского опыта и пока мало затрагивают его ценностные основания. Однако ввиду быстрого роста числа выходцев из стран Азии в составе населения развитых западных стран меняются значимые для западной идентичности контуры самой ее цивилизации: наличие живущих своей особой жизнью инокультурных иммигрантов становится нормой во всех мегаполисах и крупных городах, под нужды некоренного населения адаптируется система образования и социального обеспечения. Толерантность как ценность активно внедряется в повседневную жизнь, но утверждение равноправия культур за счет целенаправленного приглушения значимости традиций и социальных практик автохтонного населения (например, попытки выхолостить религиозное содержание рождественских праздников путем изъятия соответствующих упоминаний из школьной программы) размывает ориентиры национальной идентичности.

“Взаимообучение”, на плодотворность которого указывают такие авторитетные исследователи, как А.Этциони [Этциони 2004: 35-36], возможно в будущем в виде взаимного проникновения отдельных элементов и практик разных типов идентичности⁴. Однако сколько-нибудь полное слияние этих моделей и утверждение синкретичной (“глобальной”) модели коллективной

⁴ Так, уважение к старшим и к старости как ценность, фактически отданная Западом на попечение социального государства, но укорененная в незападных обществах, рассматривается в публичной дискуссии как один из путей противостояния дегуманизации и безудержному потребительству.

идентичности в ближайшие десятилетия маловероятно. Вероятнее всего, будут наблюдаться частичная трансформация существующих ныне идентичностей и параллельное сосуществование различных моделей. Массовый доступ к технологиям информационного общества будет способствовать распространению гибридных идентичностей, усиливая их конфликт с традиционалистскими установками массовых групп. Это противостояние будет развиваться не столько в межпоколенческом, сколько в идейно-политическом измерении.

В перспективе такое развитие событий чревато более или менее явным конфликтом между основными идентификационными моделями, что отчасти коррелирует с перспективой “столкновения цивилизаций” по С.Хантингтону [Huntington 1997]. В европейских странах это противостояние может вылиться в нарастание противоречий между инокультурными общинами и большинством населения, а на политическом уровне — в столкновения между ультраправыми политическими силами и фундаменталистскими исламскими движениями. Внутри самих движений религиозного и других ценностно ориентированных толков, значение которых в политической жизни может быстро нарастать по мере падения интереса к традиционной партийной политике, будет происходить дробление старых и на этой основе — формирование новых идейных размежеваний. В форму конфликта ценностей может быть облечено и политическое противостояние между государствами.

РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Россию к поиску обновленных основ собственной идентичности активно понуждают как радикальная институциональная трансформация, сопровождавшаяся в 1990-е годы размыванием устойчивых ориентиров национального развития и ценностных оснований социальной идентичности, так и идущие повсеместно процессы политической и социокультурной глобализации. За прошедший постсоветский период Россия не сумела в полной мере осуществить переход к современному государству-нации и утвердить российскую идентичность как основу коллективной самоидентификации национального сообщества. Сегодня переживающая фазу депопуляции Россия стягивает на себя львиную долю региональной миграции так наз. постсоветского пространства и испытывает на себе, наряду со “старой” Европой, практически все издержки этого и других неконтролируемых социальных процессов. Страна не справляется с валом нелегальной миграции и болезненно ощущает ее “демографический натиск”, травмирующий российское массовое сознание.

На рубеже XXI в. Россия столкнулась с проблемой выбора стратегического партнерства, вышла к новой развилке цивилизационного самоопределения. Разнонаправленные внешнеполитические импульсы поощряют тенденции дезинтеграции страны и активно препятствуют становлению единого российского экономического, социально-политического и культурно-информационного пространства. В ряде регионов набирают силу процессы утверждения собственных региональных идентификационных моделей, усиливается осознание локальной “особости” в ущерб представлениям об общей идентичности российского гражданина. Утверждение локальных характеристик идентичности в *противостоянии* общероссийским будет представлять в будущем серьезную угрозу для продвижения ее национальных интересов.

Сегодняшнее состояние России — и ее элиты, и общества — по-прежнему характеризует неопределенность самоидентификации. Так, согласно социологическим опросам, в массовом сознании россиян укоренились представления о российской “евразийской”, “евроазиатской” идентичности, хотя содержательное наполнение этих понятий остается неопределенным [Поиск... 2004]. Она разрывается между ощущением самобытности (пресловутый “особый путь”), своей историко-культурной причастности Европе и перспективности взаимодействия с динамичным Востоком. Поиски новых, более современных оснований идентичности осуществляются как бы на стыке глобализирующегося мира и общества, увязшего в состоянии незавершенной модернизации, которая часто сопрягается с реально идущей демодернизацией.

Тема глобализации по-прежнему присутствует лишь на периферии российского массового сознания. Еще только осваиваются практики и нормы, давно укорененные в большинстве современных обществ. Большой проблемой для российского общества остается и формирование адаптированной к современным условиям модели национально-цивилизационной идентичности. Ввиду промежуточного, пограничного между Европой и Азией географического, геополитического и культурного положения России в современном российском обществе присутствуют элементы идентичности и “западного”, и “незападного” типов. Культурные предпочтения современного россиянина по большей части определяются элементами “западного” типа (индивидуализм, модели целерационального поведения, достигательная мотивация). Но в поведении человека в публичной сфере ярко проявляются и черты противоположенного типа: стремление к налаживанию клановых и личных “неформальных” отношений, слабая укорененность правового сознания, патерналистские установки и культ государства. В целом, как показывают многочисленные социологические опросы, современное российское общество отличается низким уровнем межличностного доверия и доверия к основным политическим институтам, сосуществование различных по своей природе ценностей, стереотипов поведения, а также наличие латентного потенциала социальной и межэтнической конфликтности [см., напр. Российская... 2008].

Ввиду полиэтничности и низкого уровня экономической интеграции российских регионов само понятие “российская нация” во многих отношениях выглядит проблематичным, а “национальное” отождествляется в массовом сознании с “этническим”. Отсюда, в частности, вытекает неоднозначность и даже конфликтность взаимоотношений между “русским” и “российским” ее компонентами, а понятия “россияне”, “граждане России” так и не вошли пока в широкий повседневный оборот. Важным фактором в оформлении русских великодержавных настроений становятся опережающие темпы утверждения этнической идентичности в ряде субъектов федерации (Татарстан, Чечня и др.), которые порождают противоречия в сосуществовании этнорегиональной и гражданской идентичностей.

В то же время можно полагать, что общими ориентирами формирования новой российской идентичности (в той мере, в какой оно будет происходить) останутся, с одной стороны, общность территории и исторической судьбы народов, населяющих Россию, и латентный пока запрос на поддержание общего культурного поля. С другой — важную роль будет играть утверждение новых, современных

институтов регулируемого рынка и обновленной демократии. Однако реальной угрозой на этом пути могут стать процессы деградации общества и государства, очередной срыв в решении задачи модернизации и, как следствие, распад России. Кроме того, слабость горизонтальных хозяйственных связей и углубляющиеся диспропорции в развитии целого ряда российских регионов ставят под вопрос нахождение ряда территорий (Дальний Восток, Северный Кавказ, Калининградская область) в общем экономическом и политическом пространстве. В качестве реакции на эти процессы в России может установиться и жесткий авторитарный режим, принудительно насаждающий и поддерживающий общую идентичность (великодержавную, несоветскую). Наконец, возможно умеренное усиление или частичное смягчение социальных и межэтнических конфликтов при сильной регулирующей роли государства, что будет сочетаться с медленным, сложным и противоречивым, волнообразным формированием основ новой российской идентичности, синтезирующей современные и традиционные ценности, представления и ориентации.

Можно утверждать, что в недалекой перспективе, если не будут предприняты энергичные и эффективные шаги по развитию и укреплению общероссийской идентичности, вероятно дальнейшее обострение кризиса идентичности и, как следствие — потеря нравственных и ценностных ориентиров у молодежи и других слоев общества. Для того, чтобы предотвратить подобное развитие событий, способное привести российское общество и государство к распаду, необходима целенаправленная и последовательная государственная политика, предусматривающая разумное сочетание этнического и общероссийского компонентов идентичности, формирование у жителей России, прежде всего у молодежи, чувства принадлежности к единому обществу и государству. Такая интегративная государственная политика осуществляется во многих европейских, азиатских и других странах, например, в Великобритании, США, Канаде, Китае. Этот опыт можно отчасти адаптировать и к российским реалиям. Самая сложная проблема при этом состоит, однако, в том, что у большинства жителей России, отстраненных от реального участия в политике, в деятельности некоммерческих организаций и других структур гражданского общества, слабо сформировано ядро общей политической идентичности, ее гражданская составляющая — ощущение себя гражданами своей страны, способными активно повлиять на происходящие в ней события. Подобное отстранение и отчуждение от политики происходило либо принудительно, как в дореволюционное и советское время, либо путем разорения широких слоев населения с тем, чтобы направить их силы и помыслы исключительно на выживание, как это происходило и происходит в постсоветской России.

Однако в условиях глубокого экономического и социально-политического кризиса, который наряду со многими другими странами переживает Россия, ситуация буквально вынуждает людей, хотя бы ради того же выживания, к политическому участию и к общественной активности. Примерами могут служить многочисленные сборы подписей и акции протеста в столицах и, особенно, в регионах против закрытия предприятий, невыполнения обязательств строительными фирмами перед дольщиками — соинвесторами жилищного строительства, введения новых поборов с автомобилистов, строительства и эксплуатации экологически грязных и опасных объектов, раз-

рушения памятников архитектуры и несанкционированного сноса частного жилья и т.п. Только по официальным данным пресс-центра МВД, в 2009 г. в России прошли около 30 тыс. публичных акций, из них на 2,5 тыс. выдвигались политические требования. В этих акциях участвовали 5,5 млн. чел., 440 акций (более 20 тыс. участников) не были санкционированы органами власти, 56 раз блокировались автодороги [б.г.а]. Таким образом, люди, даже помимо их воли, становятся причастными к изменению ситуации в стране, проявляют свою гражданскую позицию.

Разумеется, существует реальная опасность того, что рост протестной активности в условиях кризиса будет использован радикальными и экстремистскими силами националистического толка. Национальная идентичность может быть редуцирована на волне социального разочарования до простой и понятной этнической составляющей. Нечто подобное происходило на рубеже 1990-х годов и закончилось распадом Советского Союза. Очевидно, что подобные угрозы и риски следует иметь в виду не только органам власти, но и всем ответственным гражданам России, тем более что распад страны может сопровождаться масштабными социальными столкновениями, разгулом преступности, потерей контроля государства над огромными запасами оружия, в том числе ядерного. Кроме того, в этом случае природные ресурсы России неизбежно станут яблоком раздора между сопредельными мировыми державами.

В то же время в случае резкого углубления кризиса существует и опасность попыток сформировать “во имя спасения народа и государства” новую идентичность великодержавного и автаркического типа, хотя и в смягченных в сравнении с советским или дореволюционным периодом формах. Толчком может стать чрезмерный и безответственный нажим на Россию со стороны западных стран; это способно возродить в массовых группах российского общества ощущение “пребывания во враждебном окружении”, усилить негативную идентичность в отношении окружающего мира, создать условия для поиска внешнего врага и для утверждения жесткого авторитарного режима. В свою очередь, такой режим будет целенаправленно конструировать новую идентичность, весьма вероятно – с ярко выраженными “антизападными” чертами.

Однако в современном российском обществе просматриваются и тенденции, связанные с постепенным формированием новой российской национально-цивилизационной идентичности, основанной на ценностях, в целом согласующихся или коррелирующих с ценностями европейской цивилизации, и предполагающей (наряду с другими, “незападными” компонентами) европейскую самоидентификацию россиян как естественную составляющую. Перспективы формирования новой российской идентичности связаны, прежде всего, с интенсивным экономическим, политическим, культурным и информационным взаимодействием России с европейскими и другими культурно близкими странами. В то же время, в случае реализации таких тенденций, в рамках новой российской идентичности, скорее всего, будут переплетаться как современные, так и традиционные или полутрадиционные ценности и стереотипы поведения при общем доминировании современных. Одним из важных условий реализации подобных тенденций является трансформация механизмов формирования самой европейской идентичности, новое понимание в Европе контуров европейского пространства, отказ от обра-

за врага в лице России [см. Образ России... 2008]. Толчком может послужить появление у европейских стран новых спланированных их угроз, например, в лице осуществляющего широкую экспансию Китая.

Приоритеты социальной идентичности формируются на общем социокультурном поле. Стратегия идентификационной ломки с ориентацией на радикальную “смену идентичности”, избранная идеологами и практиками российских революций начала и конца XX в., целенаправленно разрушала условия такой преемственности. При этом власть последовательно эксплуатировала архетипические черты национального сознания (“общинный дух”, патерналистские упования на государство, ориентацию в первую голову на ценности, а не рациональные цели при выборе индивидуальных и групповых моделей поведения) [о российских архетипах см. Дилигенский 1997] для конструирования коллективной идентичности сугубо в интересах государства. Но разрыв привычных социальных связей и подавление личности обернулись утратой традиций (безвозвратной, либо частично восполнимой), составлявших уникальный ресурс национального развития. С распадом советской общности, державшей под спудом этнические, конфессиональные и культурные различия, на постсоветском пространстве возобновились разнонаправленные социокультурные процессы. Важнейшим фактором формирования социальной идентичности стал рост религиозного сознания и активности религиозных общин. В российском контексте это одно из возможных оснований трансформации цивилизационных основ развития в его национальный ресурс. Практики диалога между конфессиями и этнонациональными сообществами, в том числе взаимодействие на уровне низовых инициатив, могут способствовать утверждению общих больших целей национального развития.

Если будущее — за большими социокультурными сообществами (а такой надэтнической и поликультурной общностью всегда была Россия), то их консолидация не может не основываться на *позитивно ориентированной идентичности*. Такая идентичность предполагает поддержание широкого консенсуса вокруг выбора модели общественного развития, готовность к диалогу в публичной сфере, гражданскую лояльность и согласие вокруг необходимости “самостояния” России как уникальной социальной и культурной общности.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Движущей силой, определяющей институциональные изменения, был и остается — в рамках перспективного видения тенденций развития общественных отношений — *человек мыслящий* и *человек действующий*. Именно такая социально активная и мотивированная на развитие личность определяет формирование культуры будущего (понимаемой в широком смысле как “человекоокружение”, говоря словами Д.С.Лихачева), ее социально-экономической, политической и собственно культурной составляющих. От того, какие ценностные ориентиры и модели индивидуального и коллективного поведения получают общественное признание, а какие окажутся на периферии общественного развития в прогнозируемый период, в определяющей степени зависит и направленность развития, и выбор его приоритетных целей.

В развитых странах дальнейшее расползание вширь унифицированного потребления и массовой культуры будет, как представляется, предопределять

размытость критериев индивидуального выбора. Реакцией на рост неопределенности на личностном уровне станет в этих условиях утверждение собственной индивидуальности путем опоры на личностный мотивированный выбор как в сфере потребления, в оформлении жилища, в организации досуга, так и в сфере социального поведения. В развитых обществах самоидентификация будет опираться на модельные жизненные стили (примером служит распространение экологического потребления, вегетарианства или социального предпринимательства) [см. Giddens 1991: 81].

Дальнейшее укрепление начал потребительского общества, где господствующей фигурой остается *человек экономический*, обрекает мир на развитие по пути, ведущему к исчерпанию ресурсов (по сути катастрофическому). Безудержное потребление чревато дегуманизацией развития, исчерпанием самой возможности качественных изменений социальной среды. Вызревание альтернативы потребительскому сознанию в массовых слоях, которая могла бы переломить эту тенденцию, возможно при резком повышении порога угроз выживанию больших групп людей, например, при развитии пандемий. Но более вероятно инерционно-инновационная траектория развития, при котором будет происходить более или менее целенаправленное внедрение хозяйствующими субъектами экономических инноваций и на их основе — изменений в повседневной жизни, которые, в свою очередь, приведут к сдвигам в моделях социального поведения и сформируют запрос на новые социальные институты. Так, послевоенный взрыв рождаемости произошел на заре общества массового потребления на рубеже 1950-1960-х годов. За ним последовала “сексуальная революция”. Утверждение потребительства как системы общественных ориентаций и быстрый рост занятости, связанный с развитием массового производства и сферы услуг, привел на рынок труда миллионы женщин, вызвал в развитых странах кризис института семьи, сокращение ее численности, размывание семейных ценностей. Эти изменения, в свою очередь, способствовали выдвижению на авансцену политической жизни новых групп интересов — гендерных меньшинств, сторонников и противников абортов и эвтаназии, а затем и опытов по клонированию с использованием клеточного материала человека.

Формирование такого *цикла развития* общественных процессов в странах с устоявшимися институтами (новые потребности > экономические сдвиги > социальные изменения и актуализация новых социальных идентичностей > политические сдвиги > новые потребности) позволяет прогнозировать зарождение и актуализацию новых моделей идентичности на каждом новом этапе внедрения технологических инноваций в повседневную жизнь. Так, массовая автомобилизация, мобильные телефоны и Интернет привели к появлению новых видов социальной активности и новых идентификационных ориентиров и стилей жизни. Но сама смена моделей происходит во все более сжатые временные сроки, и институциональное их обеспечение не поспевает за утверждением новых идентификационных ориентиров.

Агрессивное отстаивание рядом групп права на собственную идентичность стимулирует оформление соответствующих моделей политического поведения и приводит к серьезным коррективам в правовом регулировании и в социальной политике государства. По сути, безоговорочное признание права на

свободу самовыражения чревато дальнейшим дроблением представительства групповых интересов под видом защиты права на свободный выбор. При этом значимость традиционной политики для самоидентификации современного человека оказывается под вопросом. Меняется понимание сферы политического (*politics*), в сферу публичной политики вносятся практики, принадлежащие сфере частной жизни.

В перспективе вероятно перенесение центра тяжести политического участия на микроуровень (неслучаен широкий интерес к исследованиям Нобелевского лауреата по экономике 2009 г. политолога Э.Остром, посвященным коллективному управлению общественными ресурсами силами самих пользователей, т.е. заинтересованных участников взаимодействия) [см. Ostrom 1990]. Между государством и рынком формируется пространство накопления социального капитала. Уровень доверия внутри групп и между группами в рамках национального сообщества становится одним из ключевых ресурсов его эффективного развития, и в этом отношении “незападная” модель идентичности дает ее носителям важные преимущества перед индивидуализированной “западной” [см. Бауман 2005].

Но реализация этих преимуществ сталкивается с серьезными институциональными ограничениями на пути трансформации индивидуального творческого потенциала в коллективные блага. Формирование благоприятной для креативных практик социальной среды во многом зависит, помимо институционального обеспечения, от характера общественного идеала, который генерирует то или иное национальное сообщество. В странах с господством традиционной культуры социальное творчество может восприниматься как вызов устойчивым основам социальной идентичности. Сама креативность в отсутствие четких нравственных ориентиров может, как свидетельствуют опыты современного арта (искусства, использующего нетрадиционные технологии и материалы как художественные средства и абсолютизирующего ценность индивидуального высказывания художника), переходить пределы разумного и приемлемого с точки зрения как эстетических, так и этических критериев.

Креативная экономика, связанная с развитием сферы социально значимых идей и их воплощением в нематериальном производстве (дизайне, архитектуре, моде, киноиндустрии и пр.), получает возможность определять образ национального сообщества и формировать *позитивную социальную идентичность*. В основе такой идентичности – противоположенная индивидуализации сознания и поведения тенденция к укреплению социальной солидарности. Она закладывает фундамент для распространения вширь социального творчества, но доминирование вектора становления такой идентичности – основы инновационного типа развития – в условиях углубляющихся социально-политических размежеваний представляется крайне проблематичным. Вероятно, что ему смогут в той или иной степени следовать страны с целеориентированной государственной социальной политикой и невысоким уровнем неравенства, мотивированные на использование новых ресурсов социальной модернизации (примером такого развития, поддерживающего благоприятную для развития человека социальную среду, в последнее десятилетие была Финляндия).

Как отмечал еще более четверти века назад Э.Торффлер, *“было бы глупо провозглашать еще раз рождение ‘нового человека’... Было бы в равной степени глупо полагать, что фундаментально изменившиеся материальные условия жизни не затрагивают личность или, точнее, социальный характер. Изменяя глубинные структуры общества, мы также изменяем людей. Даже если кто-то верит в некую постоянную человеческую природу, общество все же вознаграждает и вырабатывает определенные черты характера и наказывает другие, что приводит к эволюционным изменениям некоторых черт характера человека... В любой культуре [говорит Эрих Фромм] есть широко распространенные черты, из которых складывается социальный характер. В свою очередь, социальный характер формирует людей таким образом, что их поведение — это не вопрос сознательного решения относительно того, следовать или нет социальной модели, а желание поступить так, как им надлежит поступать, и в то же время удовлетворенность от того, что они поступают в соответствии с требованиями культуры”* [Торффлер 1990: 602]. Лидерство того или иного типа социального характера в массовых группах будет определять, на наш взгляд, и вектор развития национальных сообществ, и саму возможность перехода находящихся на разных стадиях развития стран в категорию “развитых обществ”.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ “ПОКОЛЕНИЯ 2030”

56

Люди, ориентированные в своих сообществах на творчество в социальной сфере, будут формировать в среде рождающегося сегодня поколения, которое вступит в активную жизнь на исходе третьего десятилетия нынешнего века (“поколения 2030”), так наз. *креативный класс*⁵. Это — представители связанных с разными сторонами жизнедеятельности общества профессий и генераторы социальных практик, способные обновлять и наращивать свой творческий потенциал и эффективно использовать его как ресурс общественного развития. Группы *“социальных инноваторов”* в его составе — это лидеры, мотивированные на решение социально значимых проблем, открытые для диалога, отдающие предпочтение нематериальной мотивации своей деятельности.

Тем не менее, наиболее многочисленную группу нового поколения составят адаптированные к новым технологиям и социальным практикам *“активные пользователи”*. Группе *“маргиналов”* приемлемый уровень жизни будет обеспечиваться не только за счет государства, но и за счет поддержки из негосударственных источников. Главным фактором маргинализации в развитых странах окажется, помимо чисто психологических причин, неравенство возможностей и низкая индивидуальная мобильность, в развивающихся странах — ограниченность доступа к ресурсам развития человека.

В развитых странах новые ресурсы развития человека будут появляться как на пути эволюции традиционных институтов социализации, так и вне таких институтов. Дистанционное образование и покупки по Интернету, развитие *“электронного правительства”*, социальных сетей и других практик виртуального взаимодействия — эти и иные формы суррогатного общения усилят потребность в поиске механизмов и ориентиров личностной и групповой самоидентификации, альтернативных тем, которые до сих пор формировались в про-

⁵ Термин американского исследователя Р.Флорида [Флорида 2007].

цессе межличностных контактов. Изменится структура активного жизненного цикла: уже сегодня соотношение рабочего времени и досуга в развитых странах эволюционирует в пользу последнего (оставляя открытыми вопросы его качества). В структуре потребления в развитых странах постепенно растет его нематериальная составляющая. Важнейшим показателем индивидуального жизненного успеха становится состояние здоровья, которое рассматривается уже сегодня как ключевой ресурс самореализации. Практики поддержания здорового образа жизни выступают приоритетной сферой социальных инноваций.

Другой открывающий новые возможности путь — массовое приобщение к режиму экономии энергии, сырья и в целом экологического и социально ответственного потребления в развитых странах и регулирование параметров потребления в развивающемся мире. Уже сегодня ставится вопрос о катастрофических последствиях для состояния окружающей среды переселения в города и перехода на новый уровень потребления сотен миллионов китайцев. Возможным добровольным ограничителем могут выступить традиционные религиозные ценности, хотя в условиях информационного общества их влияние не стоит и переоценивать. Тем более что сознательному самоограничению пока противостоит гедонизм развитого мира, а возможность получения удовольствия рассматривается здесь как осуществление права на свободный выбор.

В целом изменения *нормы* в разных сферах повседневной жизни, происходящие в контексте глобализации, радикальная трансформация правил поведения и жизненных стилей может оказаться тем социальным риском, который составит угрозу жизнеспособности развитых обществ и потребует выработки адекватных компенсаторных механизмов. Тем более что значительная часть членов обществ западного и подавляющее большинство в обществах незападного типа останутся на привычных мировоззренческих и поведенческих позициях, что неизбежно усиливает их конфликтность. Внутренняя конфликтность и противоречивость будет присуща и динамике индивидуальной идентичности, учитывая ее растущую многосоставность, разнообразие практик идентификации и стремительно увеличивающееся информационное и технологическое давление на человека. Уже сегодня личность “разрывается” между семейными, профессиональными, общественными обязательствами, культурными потребностями, стремлением к творческой самореализации и физическими и интеллектуальными ограничениями на этом пути.

Пока образ желаемого “*хорошего общества*” [см. Федотова 2007] не складывается в целостную картину, но состоит из разрозненных фрагментов и ростков будущего в настоящем. Его контуры выстраиваются вокруг разумного самоограничения, социальной солидарности, самоорганизации и самоуправления, самореализации и социальной креативности. Но вопрос о регулирующих механизмах таких процессов остается открытым, поскольку ни традиционная политика, ни саморегулирующийся рынок таких регуляторов предложить не смогли. В жизни человека нового поколения прочное место занимают *риски*, которые порождают стремительные изменения во всех сферах жизни, причем риски глобальные быстро трансформируются в индивидуальные. Проблемы перегруженности информационного поля, требования мобильности и связанные с этим угрозы здоровью и даже жизни, опасность потребления продуктов нового поколения, безразмерное расширение про-

странства коммуникаций и образы глобальных катастроф создают угрозы психическому здоровью человека XXI в. Попытки дать однозначные ответы на такие вызовы рождают новые вызовы, в том числе нравственного характера, и оптимальным для становления “хорошего общества” сценарием остается запуск механизмов внутренней саморегуляции человека в сочетании с “внешним” правовым регулированием.

Формирование активного субъекта модернизационных общественных преобразований и благоприятной для таких изменений социальной среды — ключевая проблема для рождающегося сегодня поколения российских граждан. *«В наиболее развитых и успешно развивающихся обществах сам принцип инноваций вписан в институциональную и культурную, экономическую и политическую системы, макросоциальные факторы играют здесь поэтому важную самостоятельную роль во всех трансформационных процессах... В России, где эта роль несравненно слабее, индивид, обладающий способностями и волей к инновационной деятельности, становится решающим фактором модернизации...»* [Дилигенский 2002: 46]. Разрыв между потенциалом социально значимой творческой деятельности и невосприимчивостью институтов к использованию такого потенциала можно считать одной из болевых точек российской социальной истории.

В условиях стремительных институциональных изменений социальная идентичность в современной России формируется через постоянное соотношение с предыдущим историческим опытом и в парадигме противостояния — идейным оппонентам (всегда “противникам”), неэффективным институтам, “правовому бесправию” и “просто обстоятельствам”. В этом смысле нынешнюю российскую социальную идентичность можно, допуская неизбежное при таком обобщенном подходе упрощение и имея в виду ее доминирующий вектор, назвать “идентичностью противостояния”. Возможность изменения доминирующего вектора определяется снижением порога неравенства в российском обществе и запуском эффективных механизмов социальной интеграции. Актуальной остается и потребность российского общества “в новых системах идей и представлений, способных выработать ‘новые типы социальной жизни’ и ориентировать жизненную практику рядового человека, внушить ему уверенность и доверие” [Дилигенский 1997: 279].

На вопрос о перспективах формирования активных субъектов развития вряд ли можно дать однозначный ответ. Формирование настроя на развитие реального сектора экономики невозможно вне позитивной идентичности, черпающей из соотнесенности личной стратегии “человека действующего” — предпринимателя, управленца, профессионала любой сферы — с перспективами развития национального сообщества. Важнейшими условиями остаются укоренение в обществе института частной собственности и правового сознания, социальная консолидация на основе *“общественного договора о развитии”*. Российские “социальные инноваторы” могут вырасти в среде включенных в передовые социальные и технологические практики людей, придерживающихся активных жизненных стратегий и умеющих эффективно мобилизовать и нарастить свои ресурсы для достижения поставленных целей [Социальные... 2009]. Но проблема соотношения интересов общества и личных интересов, на которых сосредоточена сегодня активность этого слоя,

проблема мотивации гражданской вовлеченности его представителей остается пока уравнением со многими неизвестными, а его решение требует последовательного правового и институционального обеспечения.

- Альтерматт У. 2000. *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ.
- Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
- Бьюкенен П.Дж. 2003. *Смерть Запада*. М.: Издательство АСТ.
- Гидденс Э. 1999. *Социология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Дилигенский Г.Г. 1997. Российские архетипы и современность. — *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М.: Интерцентр.
- Дилигенский Г.Г. 2002. Люди среднего класса. М.: Фонд “Общественное мнение”.
- Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ-ВШЭ.
- Малинова О.Ю. 2010. Официальная символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. — *Полис*, № 2.
- Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире*. Под ред. П.Бергера и С.Хантингтона. 2004. М.: Аспект Пресс.
- Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация*. 2008. М.: ИМЭМО РАН.
- Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт “особого пути” в российском массовом сознании в контексте модернизации*. 2004. М.: ИМЭМО РАН.
- Российская идентичность в социологическом измерении*. 2008. М.: ИС РАН. Доступ: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.html
- Социальные инноваторы (Люди XXI): устойчивость на фоне волатильности внешней среды. 2009. — Доступ: <http://bd.fom.ru/report/map/people21>
- Тоффлер Э. 1990. *Третья волна*. М.: Издательство АСТ.
- Федотова В.Г. 2001. Модернизация и глобализация. — *Мегатренды мирового развития*. М.: ЗАО “Издательство “Экономика”.
- Федотова В.Г. 2007. *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция.
- Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. 2008. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М.: Культурная революция.
- Флорида Р. 2007. *Креативный класс*. М.: Классика-XXI.
- Хантингтон С. 2004. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: Издательство АСТ, Транзиткнига.
- Чугров С.В. 2008. Япония: гибридизация и гармонизация — *Полис*, № 3.
- Этциони А. 2004. От империи к сообществу. М.
- Castells M. 1997. *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Global Civil Society Yearbooks*. 2001. L. Доступ: <http://www.lse.ac.uk/Depts/global/5publications1.htm>
- Huntington S. 1997. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster.
- Kymlicka W. 1995. *Multicultural Citizenship. A liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press.
- Ostrom E. 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. N.Y.: Cambridge University Press.
- United Nations. World Population Prospects: The 2008 Revision. Population Database*. 2009. N.Y.: UN, Department of Economics and Social Affairs, Population Division.
- б.г.а Доступ: <http://rambler.ru/Russia/head/5330545>